

„Только бѣдота, голубушка, крайняя бѣдота. Ни тебѣ пальтишекъ тонлыхъ, ни тебѣ кадошъ, ни тебѣ бѣлья порядочнаго... Одиѣ только книги... Пища тоже у нихъ плохая. Когда и однимъ чаемъ пробавляются...“
(К. Лукашевичъ „Бѣдота“).

НИЩІЙ СТУДЕНТЪ.

(СЪ ХАРАКТЕРИСТИКОЮ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ПОЛОЖЕНІЯ РУССКОГО УЧИЩЕГО МОЛОДЕЖИ).

„Полокорный коронать“. Начало бѣдствій
Одѣтые и раздѣтые. Каморка Раскольниковова.
Два студента на одной лежанкѣ. Печенки на вокзалахъ, бульварныхъ скамьяхъ.
Методъ медленной фды и основательнаго пережевыванія“. Студентъ—крючничекъ. Гдѣ таланты и гени? „Свѣточъ науки“ и „погребальный факелъ“.

МОСКВА.

Типогр. Ф. И. Филатова, Колокольный пер., д. Малиюшина.
1909.

Цѣна 50 коп.

„Только бѣднота, голубушка, крайняя бѣднота. Ни тебѣ пальтишекъ теплыхъ ни тебѣ калошъ, ни тебѣ бѣлья порядочнаго... Однѣ только книги... Пища тоже у нихъ плохая. Когда и однимъ чаемъ пробавляются...“
(К. Лукашевичъ „Бѣднота“).

НИЩІЙ СТУДЕНТЪ.

(СЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ПОЛОЖЕНІЯ РУССКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ).

„Непокорный коронать“. Начало бѣдствій
Одѣтые и раздѣтые. Каморка Раскольниковова.
Два студента на одной лежанкѣ. Ночевки на вокзалахъ, бульварныхъ скамьяхъ.
Методъ медленной фты и основательнаго пережевыванія. Студентъ—крючникъ. Гдѣ таланты и геніи? „Свѣточъ науки“ и погребальный факель.

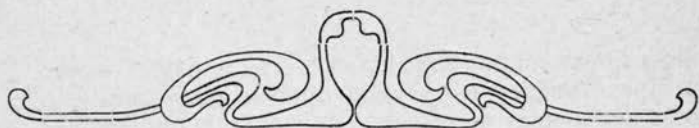
МОСКВА.

Типографія Ф. И. Филатова, Колокольник. пер., д. Малюшина.
1909.

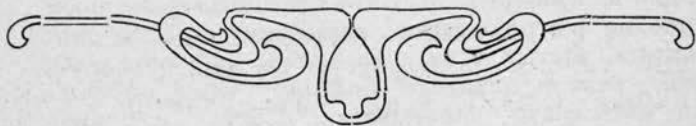
Цѣна 50 коп.

При постановкѣ „Мѣщанъ“ въ Берлинѣ одинъ изъ представителей русской прессы выразилъ удивленіе по поводу неумѣстно роскошной обстановки въ домѣ мѣщанина Безсеменова; онъ старался разяснить, что Безсеменовъ далеко не богатый человѣкъ. Завѣдующіе постановкой замѣтили ему однако, что разъ сынъ Безсеменова учится въ университетѣ, то другая обстановка будетъ непонятна публикѣ, привыкшей къ тому, что въ университетѣ идутъ молодые люди только изъ зажиточныхъ семей. Такой взглядъ нельзя не признать характернымъ.

У насъ въ Россіи наоборотъ въ университетъ идутъ люди главнымъ образомъ малосостоятельные. Нашъ студентъ такъ бѣденъ, живетъ въ такой скудной, нищенской обстановкѣ, что названіе „нищій студентъ“ нисколько не преувеличиваетъ неприглядность положенія нашей учащейся молодежи. Драма, трагедія могли бы здѣсь почерпнуть для себя не мало подходящихъ сюжетовъ, но почему-то жизнь студенчества вообще рѣдко вдохновляетъ нашихъ писателей. Выпуская въ свѣтъ свою брошюру, я думаю что она не будетъ лишней. Брошюра является въ нѣсколько сокращенномъ видѣ: вмѣсто массы примѣровъ, случаевъ, приводятся часто выдержки изъ произведеній разныхъ авторовъ. Прежде всего это сдѣлано, чтобы чрезмѣрно не загромождать изложеніе; кромѣ того примѣръ, взятый у виднаго писателя, образный, яркій, скажетъ читателю больше, чѣмъ описаніе мало извѣстнаго наблюдателя. Многое изъ сообщаемого могло бы показаться читателю преувеличеннымъ, но разъ цѣлый рядъ писателей извѣстныхъ, пользующихся заслуженнымъ уваженіемъ, являются свидѣтелями, однородно рисующими неприглядную жизнь нашей учащейся молодежи—съ такими свидѣтелями нельзя не считаться.

Студентъ XX-го вѣка и студентъ древняго Рима. „Непокорный коронатъ“. Уроки и занятія. Начало бѣдствій. „Оригиналъ“. Одѣтые и раздѣтые. Отчего ноги не у всѣхъ людей одинаковы? Каморка Раскольниковъ. Два студента на одной лежанкѣ. Студентъ Н. А. Некрасовъ въ ночлежномъ домѣ. Ночевки на вокзалахъ, бульварныхъ скамьяхъ. Н. А. Некрасовъ „читаетъ газеты“. „Методъ медленной ѣды и основательнаго пережевыванія“ студ. С. И. Сычугова. Студентъ-крючникъ. Кой-что изъ діагностики осужденнаго на голодную смерть. Утопія студ. Пыляева. Оригинальная страсть Пепки. Гдѣ таланты и геніи? „Свѣточъ науки“ и „погребальный факель“.

НИЩІЙ СТУДЕНТЪ.

(Къ характеристикѣ экономическаго положенія русской учащейся молодежи).

„Вѣрьте мнѣ, Аня, вѣрьте! Мнѣ еще нѣтъ тридцати, я молодъ, я еще студентъ, но я уже столько вынесъ!.. Какъ зима, такъ я голоденъ, встревоженъ, бѣденъ, какъ нищій, и куда только судьба не гоняла меня, гдѣ я только не былъ?..“

(А. Чеховъ. „Вишневый садъ“).

Нищій студентъ — не профессиональный нищій, протягивающій на улицѣ руку за подаваніемъ: тотъ, по крайней мѣрѣ, всегда напроситъ столько, чтобы не быть голоднымъ, и голоднымъ никогда не бываетъ; — нищій студентъ, случается, нѣсколько дней подрядъ не ѣстъ и годами живетъ впроголодь; нищенски одѣтый, продавая свой трудъ за нищенское вознагражденіе, живя въ нищенской обстановкѣ, въ какой либо мрачной каморкѣ, углѣ, онъ является какимъ то паріемъ общества, того самаго общества, которое собственно должно бы заботиться о такихъ людяхъ, какъ о лучшихъ своихъ представителяхъ, должно бы не допускать, чтобы весна жизни этихъ людей превращалась въ сѣрую, непригляд-

ную, беспощадную осень, которая такъ гибельна для всего живущаго... Природа—мать каждую весну поддерживаетъ своимъ тепломъ молодыя растеньица, чтобы, окрѣпнувъ за лѣто, они могли противостоятъ осенней непогодѣ, вѣтрамъ, холодамъ и съ первымъ тепломъ новой весны пышно развернуться и продолжать расти и крѣпнуть; только для бѣдняковъ, ищущихъ знаній, просвѣщенія, угрюмая осень тянется вѣками, десятками вѣковъ! Въ самомъ дѣлѣ, еще въ III вѣкѣ до Рождества Христова, какъ передаетъ проф. И. Цвѣтаевъ („Изъ жизни высшихъ школъ Римской Имперіи“), „на ряду съ богатыми молодыми людьми, которые въ академическихъ центрахъ вели расточительный образъ жизни, были студенты очень бѣдные, но поражающіе своей научной энергіей, которой не сокрушала никакая вопіющая нужда“.

Изъ сѣдой древности до насъ не дошло подробныхъ свѣдѣній объ этой „вопіющей нуждѣ“, но и то немногое, что удалось извлечь проф. Цвѣтаеву, въ высшей степени характерно. Такъ, на примѣръ, оказывается, что въ III ст. до Рождества Христова бѣднякъ—студентъ Клеанѣъ, уроженецъ города Асса въ области Троады, „днемъ слушалъ ученіе основателя стоической школы Зенона, а по ночамъ добывалъ средства къ жизни черпаніемъ воды для садовниковъ и работой на хлѣбопекарнѣ. Не имѣя возможности пріобрѣсти письменнаго матеріала, онъ записывалъ

уроки Зенона на черепкахъ и воловьихъ лопаткахъ, добывавшихся имъ конечно даромъ; тѣмъ болѣе, что Аѳины изобиловали черепками, при существованіи тамъ сильнаго гончарнаго производства. Разсказываютъ, что однажды, исполняя должность, вѣроятно, педагога, онъ привелъ эфебовъ въ театръ и тамъ предательскій вѣтеръ, поднявши верхнее его платье, доказалъ удивленнымъ Аѳинянамъ отсутствіе на немъ хитона“.

Въ IV вѣкѣ встаютъ передъ нами два аѳинскихъ студента, армянинъ Проэресій и другъ его Гефестіонъ, терпѣвшіе страшную бѣдность. „Все ихъ имущество состояло изъ какихъ то потертыхъ одѣялъ и одной пары верхняго платья, гиматія и студенческаго плаща. Слушать лекціи приходилось имъ по очереди; нынѣ выходяъ одинъ, завтра—другой. Возвращавшійся съ лекціи сообщалъ свои записки товарищу, сидѣвшему дома и на свободѣ занимавшемуся чтеніемъ и декламаторскими упражненіями.“

Такіе бѣдняки, какъ видно изъ другихъ примѣровъ, приводимыхъ проф. И. Цвѣтаевымъ, были не рѣдкимъ явленіемъ въ эпохи, отдаленныя отъ насъ десятками вѣковъ. И незавидное положеніе этихъ студентовъ древняго Рима, надо сознаться, удивительно напоминаетъ положеніе сыновъ Россіи, пришедшихъ въ храмъ науки, съ большимъ запасомъ энергіи, съ несокрушимымъ стремленіемъ учиться; они также терпятъ голодъ

и холодъ; они принуждены торговать тѣмъ временемъ, которое нужно для занятій наукой и торгъ этотъ въ послѣднее время принимаетъ, пожалуй, худшій чѣмъ когда либо оттѣнокъ. Если Клеанѣ въ III вѣкѣ до Рождества Христова по ночамъ черпалъ воду для садовниковъ, мѣсилъ хлѣбы въ хлѣбопекарнѣ, то онъ днемъ все таки могъ заниматься наукой и въ этомъ отношеніи былъ гораздо счастливѣе многихъ теперешнихъ студентовъ. Не менѣе тяжелый трудъ, чѣмъ трудъ Клеанѣа, выпадалъ и на долю русскаго студента; не такъ еще давно студентъ С. И. Сычуговъ—впослѣдствіи извѣстный „вольный“ крестьянскій врачъ, — зарабатывалъ хлѣбъ, таская на своихъ плечахъ наравнѣ съ простыми крѣпачами, тяжелые 9-ти пудовые кули съ барокъ на берегъ, въ мучные лабазы. — Прозерзій и Гефестіонъ, какъ дружная пара бѣдняковъ, имѣющая на двоихъ верхнее платье и обувь въ одномъ экземплярѣ—обыкновенное явленіе у нашихъ студентовъ. Что касается хитона, то и тутъ наблюдается удивительная аналогія у студента-бѣндыка XX-го вѣка со студентомъ III вѣка до Рождества Христова; хитонъ, или то, что ему теперь соответствуетъ, у современнаго студента крайне плохъ или даже иногда отсутствуетъ, какъ и у Клеанѣа.

Нашему бѣдняку студенту, конечно, долго еще дожидаться тѣхъ юбилейныхъ датъ, которыя выпали на долю студентовъ юга;

хотя, надо замѣтить, что и на его долю остается сознаніе давности своего происхожденія, такъ какъ нищій—студентъ появляется у насъ, можно сказать, съ первыхъ дней нашей университетской эры; въ началѣ XIX вѣка, рядомъ со студентомъ, который пріѣзжалъ въ столицу со своей крѣпостной прислугой, съ дядькой, съ козачкомъ, жизнь котораго проходила въ разъѣздахъ по баламъ, театрамъ, ресторанамъ, рысаки котораго давили народъ на улицахъ,*) существовалъ студентъ-бѣднякъ, который гордо переносилъ свою бѣдность, не идя на сдѣлки ни со своею честью, ни со своею совѣстью.

Жизнь усложняется годъ отъ году, и если въ древности нищіе студенты являлись дѣтьми бѣдныхъ родителей, то у насъ, при подавляющемъ большинствѣ бѣдняковъ, найдется немало и такихъ студентовъ, родители которыхъ зажиточны, а подчасъ даже и очень зажиточны, но сыновья ихъ бѣдствуютъ въ университетѣ. Таковъ на-примѣръ „Непокорный Коронатъ“ (разсказъ Н. Щедрина), которому мать отказала въ матерьяльной поддержкѣ за то только, что онъ пошелъ въ медицинскую академію, вмѣсто того, чтобы „по юридическо-й части идти“ („Какъ тебѣ отъ меня и отъ Бога сіе предназначено“—гласитъ письмо). „Въ выборѣ сыномъ факультета по своему влеченію, мать видитъ непочтительность

*) „Записки современника“. Часть I. Съ 1805 г. по 1819 г. „Дневникъ студента“.

къ себѣ, и эта непочтительность „по какой то странной логикѣ“, говоритъ Щедринъ, должна отозваться на Коронатѣ голодомъ и всяческими лишеніями“. Заступничество самого Щедрина не сломило гнѣва непреклонной, черствой матери.

Судьба Короната далеко не исключительна и изъ другихъ примѣровъ, встрѣчаемыхъ въ русской литературѣ, не лишена интереса участь, постигшая нашего поэта Некрасова; за то, что Некрасовъ пошелъ въ университетъ, а не въ дворянскій полкъ, отецъ Некрасова „воспылалъ гнѣвомъ на ослушнаго сына и отписалъ ему, что если онъ не отложить своего намѣренія идти въ университетъ и не покорится родительской волѣ, то пусть впредь не рассчитываетъ ни на одну копейку родительской помощи, а существуетъ—какъ и чѣмъ знаетъ“. Некрасова такая перспектива не остановила, какъ не останавливаетъ и другихъ „Коронатовъ“.

Кромѣ того есть извѣстное количество такихъ юношей, которые предпочитаютъ скорѣе жить и дѣйствовать на свой страхъ, скорѣе даже бѣдствовать, чѣмъ брать деньги отъ своихъ родственниковъ, зная, какъ, откуда и какой цѣной тѣмъ достаются ихъ средства.

Но бѣдность равняетъ всѣхъ, и просто бѣдствующихъ и „бѣдствующихъ изъ за принципа“; для тѣхъ и для другихъ одинаково жгуче поставленъ вопросъ, какъ и чѣмъ жить, чтобы учиться въ тѣ-же вре-

мя въ университетѣ? передъ тѣми и другими въ большинствѣ случаевъ дилемма такого рода: или матерьяльный успѣхъ и, вмѣсто занятій наукой, занятія не нужные и не интересныя, или занятія наукой и жизнь полная бѣдствій, бѣдствій нищаго студента. Участіе въ театральныхъ хорахъ, служба въ конторахъ, статистическихъ бюро, въ разныхъ другихъ учрежденіяхъ—все это отнимаетъ, обыкновенно, самое дорогое время—время для слушанія лекцій... Утренніе уроки надо отнести къ той же категоріи; желаннымъ занятіемъ, хотя также отнимающимъ массу времени, является репетиторство, вечерніе уроки, которые достать вообще не легко, хотя почти каждый юноша—бѣднякъ, ѣдучи изъ провинціи, на нихъ главнымъ образомъ, возлагаетъ свои надежды. Публикаціи, въ газетахъ съ предложеніемъ своихъ услугъ—средство также далеко не надежное. Хорошо оплачиваемыхъ уроковъ вообще очень немного; большинство же оплачивается крайне низко; особенно въ послѣднее время, благодаря появленію разнаго рода группъ съ громкими названіями для подготовки въ гимназіи и проч. учебныя заведенія. Кроме того разстояніе, которое приходится проходить изъ дому до урока, требуетъ нерѣдко большой затраты времени, силъ.

Чтобы заполучить хорошій урокъ, надо быть хорошо одѣтымъ, нуженъ нѣкоторый апломбъ, котораго у нищаго—студента не достаетъ. Спутникъ студента Чудинова

(разсказъ Н. Щедрина „Чудиновъ“), когда послѣдній высказываетъ ему свои надежды на существованіе уроками, основательно замѣчаетъ ему:

— Кандидатовъ то слишкомъ довольно. На каждое мѣсто десять, двадцать человѣкъ; другъ у дружки такъ и рвутъ. И чѣмъ больше этой нужды, тѣмъ труднѣе: нынче и къ мѣсту-то пристроится легче тому, у кого особенной нужды нѣтъ. Довѣрія больше, коли человѣкъ не жметъ, вольной ногой въ квартиру входить. Одежда нужна хорошая, видъ откровенный. А коли этого нѣтъ, такъ хоть сто лѣтъ грани мостовую, ничего не получишь.

Въ справедливости этого нищему студенту приходится убѣждаться на каждомъ шагу; наружный видъ играетъ большую роль; между тѣмъ какой ужъ тутъ „видъ откровенный“, до того ли чтобы „вольной ногой“ вступать въ домъ нанимателя, когда человѣкъ можетъ быть передъ этимъ нѣсколько дней не ѣлъ. Блѣдное, обрюзглое лицо, худоба могутъ просто смутить нанимателя.

— Какой онъ страшный, разсуждаетъ нанимательница въ разсказѣ Вербицкой „Репетиторъ“, брезгливо разглядывая отекавшее, не доброе лицо студента — бѣдняка. Не было ли у него тифа? Еще, пожалуй, заразить!

Еще больше нищему — студенту доставляетъ хлопотъ, огорченій, неудачъ — отсутствіе иногда не только хорошаго, но даже

просто приличнаго платья; недочеты въ костюмѣ, — часто самаго непригляднаго свойства, — ставятъ молодого человѣка въ невозможность пойти въ приличный домъ наниматься или просто завязать знакомство и счастье, если есть недостающій костюмъ у кого либо изъ знакомыхъ или товарищей.

Въ разсказѣ Мамина—Сибиряка „Нѣкоторыя черты изъ жизни Пепко“ студентъ, собирающійся идти на засѣданіе ученаго общества въ качествѣ репортера, взываетъ къ товарищу:

— Послушай, Пепко, а въ чемъ же я пойду въ энтомологическое общество? — У меня кромѣ высокихъ сапогъ и пестрой визитки ничего нѣтъ...

— Э вздоръ! отвѣчаетъ Пепко. Можешь одѣть мои ботинки и мои штаны. Если тебя смущаетъ твоя пестрая визитка, то пусть другіе думаютъ, что ты оригиналь: всѣ въ черномъ, а ты не признаешь по твоимъ эстетическимъ убѣжденіямъ. Только и всего...

Такимъ образомъ нерѣдко для того, чтобы одѣть одного, которому необходимо явиться по нужному дѣлу, надо взять платье у двоихъ, а иногда и у троихъ бѣдняковъ; и въ то время, какъ одинъ въ сравнительно приличномъ видѣ, а иногда и „оригиналомъ“ является наниматься въ зажиточный домъ, иногда одинъ, а иногда двое раздѣтыхъ сидятъ ждутъ не дождутся, пока тотъ вернется; но бываетъ и такъ,

что среди пріятелей не подберешь вещей подходящихъ и для такого сборнаго костюма.

Тѣ-же пріятели, въ томъ же разсказѣ Мамина Сибиряка, въ другой разъ, когда понадобилось платье, приходятъ уже далеко не къ утѣшительному заключенію.

— Если взять за бока академію, разсуждаютъ они, Гришукъ—выше тебя ростомъ, Фрей—толще, Порфирычъ—санкюлотъ... гмъ! ничего не выйдетъ, какъ ни верти!—

Кому случалось въ сильный морозъ побывать на „Козихѣ“ или на перепутьи между ней и старѣйшимъ русскимъ университетомъ, тому не могли не броситься въ глаза странныя сочитанія студенческаго костюма съ принадлежностями, иногда, даже другого пола; попадается и одѣяло подходящаго цвѣта вмѣсто пледа, и вязанный оренбургскій платокъ, покрывающій плечи студенческаго осенняго пальто, подвязанный подъ мышками, и другія подробности въ общемъ напоминающія одѣяніе французовъ во время отступленія отъ Москвы.—

Та-же самая исторія и съ обувью, если только еще не болѣе печальная, чѣмъ съ платьемъ.

— Безъ сапогъ нельзя дѣтей учить, замѣчаетъ Раскольниковъ кухаркѣ Настасьѣ, когда та упрекаетъ его за то, что онъ „прежде дѣтей учить ходилъ“, а теперь ничего не дѣлаетъ.

А съ сапогами плохо не у одного Раскольникова; на это жалуется въ своемъ дневникѣ и студентъ А. В. Никитенко, бывшій затѣмъ профессоромъ и академикомъ, и товарищъ „Оомы Гордѣева“, бывшій студентъ Ежовъ.

— Чтобы учиться и не издохнуть отъ голода, говоритъ Ежовъ, я шесть лѣтъ кряду обучалъ грамотѣ канихъ то болвановъ. Зарабатывая на хлѣбъ и чай, я не могъ уже, не имѣлъ времени зарабатывать на сапоги...

— И вотъ, чтобы „дѣтей учить“ или просто пойти къ нанимателю, нищій студентъ собственноручно чинить свою жалкую обувь, пришивая то и дѣло отваливающуюся подошву нитками или даже, какъ рассказывается въ одной изъ повѣстей, приклеивая ее наскоро столярнымъ клеемъ. Только бы дойти до нанимателя, а тамъ будь, что будетъ!

— Чортъ-чортомъ! замѣчаетъ относительно себя такой бѣднякъ, глянувъ на мучившіе его сапоги, неуклюжіе и сѣрые отъ пыли. Бѣда, если подошва отвалится! Вотъ и новый расходъ... И занять-то пока не у кого сапогъ. У всѣхъ уроки, да и ноги почему то у всѣхъ меньше.—

Для немногихъ, вѣроятно, будетъ понятны вся горечь, весь ужасъ положенія, когда сожалѣніе о томъ, что ноги не у всѣхъ людей одинаковы, что „ноги почему то у всѣхъ меньше“ приходитъ въ голову

человѣку вполне развитому, уживается тамъ, и вызываетъ злость и отчаяніе.

При перечисленныхъ недостаткахъ во внѣшности, конечно, мудрено получить хорошо вознаграждаемый урокъ; а грошовыя занятія не могутъ обезпечить ни сколько нибудь питательнаго стола, ни сносной квартирной обстановки.

Описывая въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ ассоціаціи финляндскихъ студентовъ, г-н А. В. приводитъ, между прочимъ, весьма характерный случай, рисующій разницу между экономическимъ положеніемъ финляндскихъ и русскихъ студентовъ. „Я читалъ, пишетъ онъ, съ нѣсколькими студентами „Преступленіе и наказаніе“. Слушатели мои были поражены описаніемъ каморки Раскольниковъ. Съ искреннимъ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, они спрашивали: „Неужели у васъ такъ студенты живутъ?“ и успокоились только когда узнали, что Раскольниковъ—бывшій студентъ“. Надо замѣтить однако, что во первыхъ Раскольниковъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ покинулъ университетъ и обстановка, въ которой онъ жилъ, отъ этого нисколько не измѣнилась, а во вторыхъ, что подъ дарленіемъ той же нужды, соотечественники Раскольниковъ часто живутъ нисколько не въ лучшей, чѣмъ онъ, обстановкѣ. Примомнимъ въ самомъ дѣлѣ, какъ описываетъ Достоевскій эту ужасную финляндскихъ студентовъ комнату.

„Это была крошечная клѣтушка, рассказываетъ Достоевскій, шаговъ въ шесть длиной, имѣвшая самый жалкій видъ со своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими отъ стѣны обоями и до того низкая, что чуть-чуть высокому человѣку становилось въ ней жутко, и все казалось, что, вотъ—вотъ стукнешься головой о потолокъ. Мебель соотвѣтствовала помещенію: было три старыхъ стула, не совсѣмъ исправныхъ, крашеный столъ въ углу, на которомъ лежало нѣсколько тетрадей и книгъ; и наконецъ, неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стѣну и половину ширины всей комнаты, когда то обитая ситцемъ, но теперь въ лохмотьяхъ и служившая постелью Раскольникову. Часто онъ спалъ на ней такъ, какъ былъ, не раздѣваясь, безъ простыни, покрываясь своимъ старымъ, верхнимъ студенческимъ пальто и съ одною маленькою подушкой въ головахъ, подъ которую подкладывалъ все, что имѣлъ бѣлья, чистаго и заношеннаго, чтобы было повыше изголовье. Передъ софой стоялъ маленькій столикъ“.

Передъ нами оказывается типичная комната студента—бѣдняка, типичная до послѣднихъ мелочей: „старые, неисправные“ стулья, просиженный „въ лохмотьяхъ“ диванъ или софа, бѣлье подъ подушкой или вмѣсто подушки наволочка, набитая бѣльемъ и другимъ хламомъ, пальто вмѣсто одѣяла,—все это обычныя вещи у нищаго студента. Мало того, комната Расколни-

кова сравнительна велика еще; въ статьяхъ объ экономическомъ положеніи московскихъ студентовъ П. Ивановъ приводитъ какъ обычный размѣръ (за 11—12 рублей въ мѣсяцъ) комнату длиной въ 4½ шага и шириной—три шага. Наконецъ, что касается меблировки комнаты Раскольниковъ, то она можетъ показаться иному студенту—бѣдняку даже излишне роскошной; вѣдь есть и такія студенческія комнаты, всю обстановку которыхъ составляетъ одинъ засаленный столъ о трехъ ногахъ, одинъ или два „старыхъ не совсѣмъ исправныхъ“ стула, жалкая желѣзная кровать, которая стонетъ при малѣйшемъ движеніи или ободранный диванъ—а иногда и просто широкая деревянная скамейка— вмѣсто кровати; въ довершеніе всего комната часто сырая и, почти всегда, холодная, лишенная свѣта, благодаря близости къ какой либо постройкѣ, забору, брандмауеру, въ который упирается единственное окно; но и въ такой комнатѣ жить одному удастся не многимъ студентамъ; заурядное явленіе—живущіе вдвоемъ; есть студенты, живущіе по три, по четыре человека въ одной комнатѣ, занимающіе углы, койки въ подвалахъ, въ квартирахъ, переполненныхъ всякимъ сбродомъ, у хозяевъ не рѣдко пьяныхъ и буйныхъ.

Нашъ извѣстный педагогъ В. Острогорскій въ книгѣ „Изъ исторіи моего учительства“, рассказываетъ про житіе своего товарища, за любовь къ греческому языку,

прозваннаго „грекомъ“: „жилъ онъ на Петербургской сторонѣ на очень широкой лежанкѣ, у слесаря, ходившаго на поденную работу и къ вечеру возвращавшагося домой пьянымъ“; у „грека“, „въ эпоху бездомовья“ заночевывалъ нерѣдко и Острогорскій, „помѣстившись вмѣстѣ на теплой лежанкѣ послѣ укрощенія разбушевавшагося слесаря“.

И это еще далеко не худшее,—все таки есть хотя какая нибудь осѣдлость! Бываетъ и такъ, что переночевать негдѣ, ни у знакомыхъ, ни у товарищей и денегъ нѣтъ; тогда приходится ночевать въ лѣтнее время просто на открытомъ воздухѣ; тотъ же Острогорскій рассказываетъ, что „въ эпоху бездомовья“ ночевывалъ въ теплое время на скамьѣ Адмиралтейскаго бульвара (нынѣ Александровскій скверъ) или же на петербургской сторонѣ, въ Александровскомъ паркѣ, „благо не гнала полиція“; „собственности у меня“, прибавляетъ онъ, „кромѣ нѣсколькихъ книгъ, да двухъ-трехъ паръ бѣлья, не было никакой, а помянутая личность сохранялась у товарищей, имѣвшихъ нѣкоторую осѣдлость. У нихъ я и занимался, смотря по тому, у кого была та или другая моя книга*)“.

На открытомъ воздухѣ ночевать можно, конечно, лѣтомъ; но каково очутиться безъ

*) „Такъ прошелъ цѣлый годъ, пишетъ Острогорскій, и первое мое логовище—проходную клѣтушку съ окномъ, отдѣленную перегородкою—нанялъ я уже въ сентябрѣ слѣдующаго года за четьре съ полтиной въ мѣсяцъ“.

пристанища въ холодную, осеннюю или зимнюю пору. Между тѣмъ отъ этого ни одинъ бѣднякъ не гарантированъ—отказали отъ урока, потерялъ его вслѣдствіе продолжительной болѣзни, другой урокъ или занятія скоро не подвертываются, платить стало нечѣмъ, и съ комнатою приходится разставаться. На это надо рѣшиться или самому или объ этомъ позаботятся хозяева, которые, какъ большая часть сѣмщиковъ, только тѣмъ и живутъ, что получаютъ отъ сдачи комнатъ; уплатили деньги въ срокъ—хозяева справятся со своими дѣлами, а не уплатили—для нихъ та же бѣда; здѣсь уже прямо борьба за существованіе и до чего она можетъ дойти видно, на примѣръ, по тому, какъ поступили квартиро-хозяева съ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ, въ бытность его студентомъ въ Петербургѣ.

Когда матеріальное положеніе Н. А. Некрасова, и безъ того незавидное, было окончательно подорвано болѣзнію, ему приходилось пользоваться милостію квартирныхъ хозяевъ, какого то отставного унтеръ-офицера и его жены, у которыхъ онъ нанималъ комнату на Развѣзжей улицѣ. Задолжалъ имъ Некрасовъ, во время болѣзни рублей сорокъ. „Хозяинъ, рассказываетъ онъ, еще ничего, но хозяйка сильно безпокоилась, что я умру и деньги пропадутъ. За перегородкою постоянно слышались разговоры по этому поводу.—Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, ко мнѣ явился хозяинъ, объяснилъ свои опасенія съ полною

откровенностью и просилъ меня написать ему росписку въ томъ, что я оставляю ему за долгъ свой чемоданъ, книги и остальные вещишки. Я написалъ. Думаю, чего добраго, не стануть и хоронить, да и люди они были дѣйствительно бѣдные. Черезъ нѣсколько времени мнѣ стало, однако, лучше, и я вскорѣ настолько уже оправился, что рѣшился пойти съ Разъѣзжей на Выборгскую сторону, къ одному знакомому студенту-медику. Добравшись кое-какъ до него, я тамъ засидѣлся до поздняго вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозябъ, такъ какъ на мнѣ было холодное пальтишко, а дѣло было осенью—въ октябрѣ или въ ноябрѣ. Прихожу къ дверямъ, звоню разъ, другой... Не пускаютъ, говорятъ, что въ моей комнатѣ поселился уже другой жилецъ. Что же касается до моего долга, то хозяева считаютъ себя вполне удовлетворенными моимъ имуществомъ, которое я имъ отдалъ за долгъ, въ чемъ и выдалъ росписку.—Скверно стало мнѣ. Я остался одинъ на улицѣ, остался безъ ничего, въ плохомъ пальтишкѣ въ осеннюю холодную ночь. Побрелъ я, куда глаза глядятъ, не сознавая куда и зачѣмъ, пробрался на Невскій и сѣлъ тамъ на скамеечку, какія выставляются у ресторановъ для посѣтителей. Прозябъ. Чувствовалъ сильную усталость и упадокъ силъ. Наконецъ, уснулъ. Разбудилъ меня какой то старикъ, оказавшійся нищимъ, который, проходя мимо, сжалился надо мною и пригласилъ меня съ собой

куда то ночевать. Я пошелъ. Пришли на Васильевскій Островъ, въ 15-ю линію. Тамъ въ самомъ концѣ улицы, стоялъ деревянный, полуразвалившійся домикъ, въ который мы и вошли. Въ домѣ оказалось много народу. Все это были нищіе, которые собирались здѣсь ночевать“.

Студентъ Сомовъ, рассказываетъ П. Ивановъ въ его очеркахъ, тщетно разыскивая у кого бы переночевать, проходилъ весь день; „усталъ страшно, нервы расходились. Въ перспективѣ была ночь и полное незнаніе, гдѣ провести ее... Къ счастью, онъ вспомнилъ, что Курскій вокзалъ не запирается всю ночь—ему кто-то говорилъ объ этомъ“. — На вокзалѣ Сомовъ засыпаетъ на одномъ изъ креселъ; когда его будить сторожъ и заявляетъ, что вокзалъ „всегда отъ трехъ до пяти запертъ“, юноша даетъ ему двугривенный и сторожъ оставляетъ его въ покоѣ. На слѣдующій день, когда онъ пробуетъ уснуть на скамьѣ въ Екатерининскомъ паркѣ, сердитый окрикъ сгоняетъ его прочь со скамьи; послѣ долгихъ скитаній, Сомовъ просыпается утромъ на Ходынскомъ полѣ за гипподромомъ, на голой землѣ... Третій день прошелъ также безслѣдно и вотъ Сомовъ уже „прямо отправился на Ходынку“. Однако спать не могъ: было страшно холодно. „Тутъ впервые мелькнула у него мысль о самоубійствѣ. Цѣлую ночь, бродя по Петровскому парку, онъ обдумывалъ, какимъ способомъ лучше убить себя“...

Бываетъ однако и хуже.

Въ романѣ А. Вербицкой „Освободилась“ описывается между прочимъ переполохъ на Бронной, — въ этомъ Латинскомъ кварталѣ г. Москвы, — происшедшій изъ за того, что одинъ изъ студентовъ зарѣзался.

— Жить было нечѣмъ... Ни уроковъ, ничего... Плату за себя за полугодіе не внесъ.. да хозяйкѣ задолжалъ за два мѣсяца... Она отказала ему... — толкуютъ въ толпѣ.

Нечего говорить, конечно, что тѣсная, иногда сырая и почти всегда холодная комната или каморка, въ которой ютится нищій студентъ, сама по себѣ вещь уже ужасная, она разрушительно дѣйствуетъ на организмъ молодого человѣка; но — все относительно! — и такая комнатка имѣетъ свои преимущества передъ другими злобами студенческой жизни; дѣло въ томъ, что сырая и холодная комната подтачиваетъ организмъ постепенно, почти незамѣтно, результаты скажутся лишь съ годами; наконецъ губительной силѣ такой комнаты можно противодѣйствовать въ нѣкоторой мѣрѣ продолжительными прогулками на чистомъ воздухѣ и порядочнымъ столомъ. По самое ужасное для нищаго студента это вопросъ о питаніи: если послѣдствія отъ сырого, холоднаго жилья сказываются лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ, то послѣдствія отъ плохого обѣда сказываются

черезъ нѣсколько часовъ*) и голодъ начинается мучить безпощадно; еще хуже, если обѣды въ теченіе долгаго времени приходится замѣнять легкой закуской или просто употреблять чай съ хлѣбомъ нѣсколько разъ въ день. Если же деньги изсякли, то и этого нѣтъ; тогда наступаютъ „трудные дни“ вродѣ описанныхъ Маминымъ Сибирякомъ въ рассказѣ „Нѣкоторыя черты изъ жизни Пепко“.

— „Помню темный сентябрьскій вечеръ, рассказываетъ Маминъ Сибирякъ. По программѣ мы должны были заниматься литературой. Я писалъ свой романъ, Пепко то-же что-то строчилъ за своимъ столомъ. Онъ уже цѣлыхъ два дня ничего не ѣлъ, кромѣ чая съ пеклеваннымъ хлѣбомъ, и впалъ въ мертво-злое настроеніе. Мои средства тоже истощились, такъ что не оставалось даже десяти крейцеровъ (на условномъ языкѣ товарищей—10 коп.). Въ комнатѣ было тихо, и можно было слышать, какъ скрипѣли наши перья.“

— А, чортъ...—ворчалъ Пепко, время отъ времени дѣлая передышку.

— Я боялся, что онъ попросить у меня несуществующіе десять крейцеровъ, и молчалъ. Наконецъ мученія Пепки перешли всякія границы и онъ проговорилъ мрачнымъ голосомъ:

*) Относительно нещадности обѣдовъ въ кухмистерскихъ, въ очеркахъ П. Иванова студенты передаютъ даже такъ: „Не успѣешь дойти до дому, какъ опять хочется ѣсть“.

— Есть десять крейцеровъ?

— Увы, нѣтъ...

Пепко заскрипѣлъ зубами отъ молчаливаго отчаянія. Онъ глоталъ слюну, челюсти сводили голодные позѣвоты. И все таки десяти крейцеровъ не было... Чтобы утишить нѣсколько муки голода, Пепко улегся на кровать и долго лежалъ съ закрытыми глазами. Наконецъ его осѣнила какая то счастливая идея. Пепко быстро вскочилъ, нахлобучилъ свою шляпу, надѣлъ пальто и бомбой вылетѣлъ изъ комнаты. Минуть черезъ десять онъ вернулся веселый и счастливый.

— Эврика! — проговорилъ онъ, добывая изъ кармана полфунта ржаного хлѣба и полфунта дешевой лавочной колбасы. Я перехитрилъ *fortunam adversam*... Предадимся чревоугодію.

Пепко съѣлъ все съ жадностью наголодавашагося волка, облегченно вздохнулъ и даже растегнулъ свой пиджакъ, при чемъ я убѣдился въ отсутствіи жилета.

— Проклятый закладчикъ далъ всего десять крейцеровъ... конфузливо проговорилъ Пепко на мой нѣмой вопросъ. — Ну, да это все равно: не въ деньгахъ счастье“!

Въ такіе „трудные дни“ закладываются или продаются за безцѣнокъ иногда самыя необходимыя книги, вещи; въ такіе дни бѣднякъ не прочь схитрить, извернуться гдѣ можно, какъ, на примѣръ, въ томъ случаѣ, который привелось видѣть мнѣ: въ колониальную лавку на Большой Дмитровкѣ

вошелъ крайне невзрачно одѣтый студентъ; энергичной походкой, болѣе энергичной и рѣшительной, чѣмъ, казалось, нужно, онъ подошелъ къ прилавку.

— На двѣ копѣйки чернаго хлѣба и копченой колбасы! сказалъ онъ серьезно, голосомъ непредполагающимъ возраженій.

Я видѣлъ, какъ смущенное лицо приказчика обратилось къ хозяину лавки, какъ бы приглашая того на выручку изъ неловкаго положенія. Въ одно мгновеніе хозяинъ былъ уже противъ оригинальнаго покупателя; онъ собственноручно отрѣзалъ ломоть чернаго хлѣба (вѣроятно немного менѣе фунта), покрылъ его тоненькими ломтиками копченой колбасы, солидно завернулъ въ бумагу. О прилавокъ стукнула двухъ копѣчная монета и покупатель исчезъ. — На вопросъ мой отчего у нихъ такъ дешева колбаса, добрякъ-купецъ замѣтилъ только, что „дешева не для всѣхъ, а тутъ ужъ видно придется по своей цѣнѣ уступить“...

Одинъ изъ моихъ товарищей купилъ какъ-то въ колоніальной лавкѣ съѣстнаго на... семикопѣчную почтовую марку, случайно залежавшуюся въ карманѣ.

Въ біографіи Н. А. Некрасова, написанной А. М. Скабичевскимъ, рассказывается къ какой хитрости прибѣгалъ голодный Некрасовъ, когда отецъ отказалъ ему въ какой бы то ни было поддержкѣ.

„Матеріальное положеніе Некрасова было самое отчаянное: приходилось пробиваться

кое-какъ грошовыми уроками и случайными журнальными работами, которыя не всегда были подъ рукою. „Ровно три года,—говорилъ Некрасовъ,—я чувствовалъ себя постоянно, каждый день, голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только въ проголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ на Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для виду газету, а самъ пододвинешь къ себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь“...

„Силы Некрасова постоянно надрывались и, наконецъ, онъ сильно заболѣлъ. Доктора объяснили причину болѣзни продолжительнымъ голоданіемъ и приговорили уже его къ смерти. Молодой организмъ вынесъ болѣзнь, оставившую все таки, по убѣжденію Некрасова, свои слѣды на всю жизнь его. Будучи уже на смертномъ одрѣ, Некрасовъ серьезно говорилъ, что зародышемъ болѣзни, которая сводила его въ гробъ, онъ обязанъ былъ пятнадцатикопѣчнымъ обѣдамъ на Малой Охтѣ, которыя приходилось брать изъ какой то ужающей кухмистерской; этотъ обѣдъ они съѣдали втроемъ, такъ какъ не могли тратить на обѣдъ болѣе 15 коп. на троихъ“.

Хорошо, если нужда лишь временна, если дѣло можно поправить немедленно; помогъ ли залогъ, деньги ли взятые въ долгъ,—голодъ удовлетворенъ и юноша доволенъ. Ложась спать и кутаясь въ зано-

шеномъ байковомъ одѣялѣ, жизнерадостный Пепко говорить даже гиперболы:

— Я чувствую себя, говоритъ онъ сожителю, въ положеніи боа-констриктора, который только что сожралъ цѣлаго теленка.

Конецъ „труднаго дня“ у Пепки выходитъ почти комическимъ, но вѣдь это только на сегодня, а что-то будетъ завтра? бѣдствія иногда упорно преслѣдуетъ юношу, и вотъ напрімѣръ какъ жилъ, какъ питался, будучи студентомъ, извѣстный „вольный крестьянскій врачъ“ С. И. Сычуговъ, послѣ того, какъ попытки достать урокъ, литературную работу или другія занятія оказались безуспѣшными.

„Пришлось, какъ рассказываетъ Сычуговъ, въ одномъ письмѣ, — путемъ медленной ѣды и основательнаго пережевыванія привыкать къ употребленію шевѣроятно малаго количества пищи. „А питался онъ исключительно чернымъ хлѣбомъ съ патской или творогомъ: чай, какъ недоступная роскошь, разумѣется, былъ изгнанъ совсѣмъ изъ употребленія. Только по праздникамъ позволялъ онъ себѣ на толкучкѣ за 5 копѣекъ съѣдать обѣдъ изъ двухъ горячихъ блюдъ и наѣдался при этомъ такъ, что уже въ этотъ день обходился безъ ужина. Но никакая расчетливость не могла избавить его отъ неизбѣжной смерти въ самомъ недалекомъ будущемъ. Въ этомъ критическомъ положеніи ему пришла мысль пустить въ ходъ свою мускульную силу. И вотъ студентъ Сычуговъ, стыдливо пряча

свой синій воротникъ подъ толстое сѣрое сукно верхняго пальто, наравнѣ съ крючниками таскаетъ со стоящихъ на рѣкѣ барокъ тяжелые девятипудовые кули въ мучные лабазы, находящіяся на набережной. Но и эта работа, дававшая ему отъ 30-ти до 50-ти коп. въ день, была временною. Съ прекращеніемъ ея онъ опять оставался безъ всякихъ средствъ и слѣдовательно вопросъ о неизбежной смерти вставалъ вновь передъ будущимъ „вольнымъ врачомъ“ съ той же роковой неумолимостью, какъ въ извѣстномъ разсказѣ Щедрина „Чудиновъ“.

Студентъ Чудиновъ, думая какъ нибудь „выбраться, переждать суровую нужду, отказался отъ чая, отъ обѣда тоже. Платить двадцать копѣекъ за обѣдъ оказывалось не подъ силу. Онъ бралъ на 10 коп. два пирога въ пирожной и этимъ былъ сытъ. Но выбраться все таки не удалось. Приходилось разстаться съ завѣтной мечтой, бросить ученіе. Для другихъ оно было свѣточемъ жизни, для него погребальнымъ факеломъ“. „Всякую надежду на лучшее будущее, говоритъ Щедринъ, предстояло оставить, сказать себѣ разъ навсегда, что лучъ свѣта уже не согрѣетъ его существованія, и затѣмъ отдаться въ жертву голодной смерти“. Наконецъ Чудиновъ даже въ пирожную ходить не можетъ; и денегъ нѣтъ и силы таютъ съ каждымъ днемъ...

Есть болѣзни, при которыхъ человѣкъ не можетъ питаться и постепенно умираетъ

отъ голода. Паталогъ такого больного мало отличается отъ паталоба нашего голодающаго студента: блѣдный цвѣтъ лица съ сѣроватымъ или желтоватымъ оттѣнкомъ, впалыя щеки, выдающіяся скулы, обострившіяся черты лица—таковы наружныя признаки; къ этому присоединяются тянущая тоскливая боль подъ ложечкой, временами схватки въ животѣ, въ горлѣ, голодная позѣвота, наклонность ко сну, къ лежанію, укутавшись насколько возможно или скорчившись для того, чтобы уменьшить площадь охлажденія своего тѣла, теплота котораго не подновляется пріемами необходимой пищи.

У человѣка здороваго, принужденнаго голодать, такому состоянію предшествуетъ обыкновенно попытка не поддаваться голоду, являются приступы отчаянной энергіи, попытки забыться въ быстромъ движеніи; онъ мечется изъ стороны въ сторону, какъ бы желая убѣжать куда то, скрыться отъ грознаго призрака голода.

— Черкесь голоденъ,—говоритъ Пепко, прислушиваясь къ такому голодному шаганью по цѣлымъ часамъ въ комнатѣ сосѣда студента. „Этакій левъ и вдругъ ни манже, ни буарь... Вѣдь такой звѣрь съѣстъ заразъ цѣлаго барана, не то что медичка Анна Петровна: поклевала крошечекъ и сыта“.

Но такіе порывы энергіи становятся чѣмъ дальше, тѣмъ непродолжительнѣе; наконецъ человѣкъ ложится, стараясь забыться,

не думать ни о чемъ,—Хотя послѣднее то менѣе всего и удается.

Въ романѣ Михайлова (Шеллеръ) „Въ разбродѣ“ товарищи удивляются тому, что студентъ Тишка долго спитъ.

— Не встаю рано! заявляетъ Тишка въ раздумьи.— Ну, да, теперь сплю до часу... Да развѣ можно вставать раньше, когда денегъ нѣтъ?.. Тутъ забыться радъ... Ничего на умъ нейдетъ... когда были деньги, ну тогда и не спалъ столько...

Пепко отъ голода также ложится; да вѣдь и Раскольниковъ въ своей ужасной исповѣди передъ Софьей Мармеладовой признается, что онъ цѣлыми днями и вечерами лежалъ; угрозы изгнанія изъ квартиры, лишеніе обѣда, голодъ — все это вмѣстѣ взятое, приводитъ Раскольникова къ безконечному лежанію „въ мертвенно-злобномъ настроеніи“ на пресловутой софѣ. Немудрено, что при этомъ видятся „странные сны“, мерещится „безотрадное будущее окружающаго его общества“ и зрѣтъ рѣшеніе „взять просто-за-просто все за хвостъ и стряхнуть къ чорту!“

Постоянная погоня за кускомъ хлѣба, постоянная забота о завтрашнемъ днѣ, опасеніе остаться безъ крова, опасеніе вслучаѣ невзноса платы, очутиться внѣ стѣнъ университета, голодъ, холодъ, безпросвѣтная, тусклая жизнь, иногда среди подонковъ общества, неудачи, болѣзни—одни при такихъ условіяхъ начинаютъ пьянствовать, другіе впадаютъ въ безразличіе, дѣ-

лаются равнодушными къ окружающему, къ интересамъ близкихъ людей. Немудрено поэтому, что голодающему студенту Ларіо (Гаринъ „Студенты“) не лѣзутъ въ голову никакіе общіе планы и, когда товарищи задаютъ ему въ этомъ родѣ вопросы, Ларіо, смущенно подергивая плечами и разводя руками, заявляетъ:

— Мой другъ!.. ну, ну что-жъ тутъ думать о томъ, что будетъ послѣ завтра, когда завтра я, можетъ быть, подохну съ голоду!

Немудрено, что медикъ Пыляевъ, симпатичный и горячій, когда то мечтавшій быть земскимъ врачомъ, приносить пользу обществу, будучи на третьемъ курсѣ, чистосердечно признается:

— Эхъ, скорѣй бы мѣсто! Будетъ свой уголь, харчи готовые; супъ каждый день, уроковъ искать не надо!

Въ этомъ признаніи какъ нельзя лучше сказывается неприхотливость студента-бѣдняка и невольно приходитъ на память тотъ хохоль, который въ простодушіи своемъ мечталъ, что вотъ, если бы онъ былъ царемъ, то онъ каждый день ѣлъ бы сало и спалъ на соломѣ.

Но, увы! ни своего обезпеченнаго угла, ни супу каждый день нѣтъ! и это далеко не одинаково дѣйствуетъ на всѣхъ; если Ларіо впадаетъ въ безразличіе, если Пыляевъ утѣшается мечтами о будущемъ „своемъ углѣ“, о „супѣ каждый день“, то есть и такіе, которыхъ постоянныя неудачи

и жизнь въ проголодь озлобляетъ и они справедливо или несправедливо шлють упрекъ обществу.

— Нѣтъ въ какомъ обществѣ я вращаюсь? взываетъ озлобленный, голодный Пепко, обращаясь къ неумолимому року. — Мои добрые знакомые не имѣютъ даже свободнаго рубля... Говоря между нами, это порядочные идіоты, потому что каждый нормальный человѣкъ обязательно долженъ имѣть свободный рубль. Но это частность, а вообще судьба могла бы быть нѣсколько повѣжливѣе... Наконецъ и моему терпѣнію есть предѣлъ, чортъ возьми!... Иду давеча мимо Оедосьиной комнаты, а она что то чавкаетъ... Почему она можетъ чавкать, а я долженъ вкушать отъ пищи святого Антонія? Удивляюсь“...

Еще на нѣсколько градусовъ подымись озлобленіе, присоединись къ этому изгнанію изъ квартиры, тяжелое безвыходное обидное положеніе любимыхъ матери, сестры—и нѣтъ ни чего мудренаго, если повторится что либо подобное Раскольникову.

Вслѣдъ за упреками обществу, къ людямъ такъ или иначе пользующимся благами жизни, выступаетъ на сцену недовольство собой; ставится вопросъ, зачѣмъ шелъ человѣкъ на всѣ эти мытарства, самъ шелъ по своей собственной охотѣ? для чего? для какихъ такихъ возвышенныхъ цѣлей? Были ли, наконецъ, эти цѣли и возвышенны? и вотъ, въ пылу обличенія, юноша старается

найти въ себѣ поползновенія, которыя, быть можетъ, и въ голову ему не приходили, когда онъ рвался въ университетъ, чистосердечно рвался къ свѣту, къ знанію; но, теперь, въ минуту озлобленія, все забыто, и комментируется уже иначе; поэтому обвиненія, которыя возводитъ на себя Пепко не должны насъ смущать, они естественны въ его положеніи.

— А знаешь, что привело насъ сюда? спрашиваетъ товарища-студента Пепко.— Ты скажешь: любовь къ знанію... жажда образованія... Хе-хе!.. Все это слова, хорошія слова, и все-таки слова!... Сущность дѣла гораздо проще: образованіе образованіемъ, а хорошо и свой кусочекъ пирога получить. Вотъ молодой провинціалъ и идетъ въ Питеръ... Это настоящая осада и каждый несетъ сюда самое лучшее, что только есть у него. Добродушная провинція сваливаетъ сюда свое сырье, а получаетъ обратно уже готовый фабрикатъ... Мѣна во всякомъ случаѣ, выгодная только фабриканту. Знаешь у меня есть страсть весной бродить по кладбищамъ... Вотъ поучительная картина: сколько тутъ уложено нашего брата провинціала, который тащится въ Петербургъ съ добрыми намѣреніями вмѣсто багажа. Тутъ и голодъ, и холодъ, и пьянство съ голода и холода и безконечный рядъ неудачъ, и неудовлетворенная жажда жить по человѣчески,— все это доводитъ до преждевременнаго конца. А сколько по этимъ кладбищамъ

гнѣтъ не успѣвшихъ даже проявить себя талантовъ, сильныхъ людей, можетъ быть, геніевъ—смотришь на эти могилы и чувствуешь, что самъ идешь по дорогѣ вотъ этихъ неудачниковъ-мертвецовъ, продѣлываешь тѣ-же ошибки, повинуюсь простому физическому закону центростремительной силы. И на смѣну этихъ мертвецовъ являются новые батальоны, т.-е. мы, а на нашу смѣну уже готовятся въ невѣдомой провинціальной глуши новые Пети и Коли. Страшно даже подумать, какая масса силы растрачивается совершенно непроизводителью и съ какимъ замѣчательнымъ самопожертвованіемъ провинція отдаетъ столицамъ свою лучшую плоть и кровь. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не желаю обманывать себя и называю вещи своими именами: я явился сюда съ скромной цѣлью протиснуться впередъ и занять мѣсто за столомъ господъ. Однимъ словомъ, я хочу жить, а не прозябать...

— Какъ мнѣ кажется ты немножко противорѣчишь себѣ,—замѣчаетъ товарищъ, намѣреваясь повидимому образумить Пепко.—Я не думаю, чтобы тебя привела сюда только одна жажда карьеры.

— Э, голубчикъ, оставимъ это! отвѣчаетъ Пепко. Человѣкъ, который въ теченіе двухъ лѣтъ получилъ петербургскій катаръ желудка и долженъ питаться рубцами, такой

человѣкъ имѣть право на одно право — быть откровеннымъ съ самимъ собою*).

Я нарочно привелъ этотъ монологъ самобичеванія въ его цѣльномъ, нетронутомъ видѣ; читая его, хочется вѣрить, что все въ немъ преувеличено, что только больное воображеніе озлобившагося человѣка могло создать такую ужасную картину; но съ другой стороны стоитъ припомнить подробности безотрадной жизни нашей учащейся молодежи, чтобы согласиться, что дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ очень печальна. Вѣдь если отнять разсужденія Пепки о „кусочкѣ пирога“, о „столѣ господъ“, сколько въ этомъ монологѣ правды, горькой, обидной, возмутительной правды!

Сколько, въ самомъ дѣлѣ, погибаетъ, и талантливыхъ и сильныхъ людей, „можетъ быть геніевъ“, какъ говоритъ Пепко, „даже не успѣвшихъ проявить себя?“ Сколько такихъ, какъ Чудиновъ, какъ Турановъ („Алчущій“, разсказъ Баранцевича) умираетъ, не кончивъ университета? Сколько такихъ, которыхъ, по выраженію П. Иванова „заѣстъ голодъ и холодъ?“ Сколько такихъ, у которыхъ подъ давленіемъ безысходной нужды „за-

*) Маминъ Сибирякъ. „Нѣкоторыя черты изъ жизни Пепко,“ стр. 36.

мерзнуть, ступѣютъ всѣ лучшіе порывы“, которыхъ „университетскіе годы пришибутъ, приколотятъ къ землѣ?“ Сколько, наконецъ, такихъ, которые, надорвавшись въ непосильной борьбѣ за существованіе во время своего студенчества, выходятъ въ жизнь совершенно больными, калѣками? Цѣль достигнута, въ университетѣ взято, все, что можно было взять, надо идти и дѣйствовать, но оказывается, силъ нѣтъ для дѣла, давно желаннаго, любимаго дѣла. Одинъ кончаетъ жизнь, „не успѣвъ себя проявить,“ какъ говоритъ Пепко, другой только проявилъ себя и мы уже слышимъ о неожиданной, преждевременной смерти много общавшаго дѣятеля; онъ только блеснулъ, какъ метеоръ, иногда вызвалъ восторгъ, оваціи, возбудилъ ожиданія—и вотъ, передъ нами уже его некрологъ.. обыкновенная исторія! мы только изумляемся, съ недоумѣніемъ разводимъ руками; некрологъ говоритъ намъ обычно о дѣятельности покойнаго, о его заслугахъ, о чинахъ, и т. п., но кто изъ насъ встрѣчалъ некрологи, въ которыхъ было бы подробно рассказано о томъ, какую горькую, тяжкую борьбу за право учиться вынесъ умершій, булuchi въ нашей высшей школѣ?

Вѣдь если одни изъ этихъ бѣдняковъ, по опредѣленію Щедрина,—люди „искавшіе свѣта и обрѣвшіе смерть“, то другіе обрѣли ту же смерть какъ разъ тогда, когда

послѣ долгаго, упорнаго труда, послѣ не
посильныхъ лишеній, увидѣли наконецъ
тотъ свѣтъ, котораго искали.

И горько и грустно, и невольно напра-
шивается гнетущая, безотрадная мысль о
томъ, что вѣдь не въ пустынѣ же эти лю-
ди надрываются, мрутъ отъ голода и хо-
лода, вѣдь среди людей, среди живыхъ
людей гибнуть эти Клеанѣы XX вѣка!

